

М. С. Родионова

«ВРЕМЯ БЫЛО СОВЕРШЕННО НЕОБЫЧНОЕ...»

Родионова Маргарита Сергеевна (р. 1925) — ученица ЛГХУ в 1936–1942 гг.

В 1936 году (мне тогда было 11 лет) я поступила в Хореографическое училище, где работала плеяда хороших балетмейстеров: Л. М. Лавровский, В. И. Вайнонен, Ф. В. Лопухов и другие. 2 года я занималась у Евгении Петровны Снетковой-Вечесловой, затем 2 года — у Марии Сергеевны Добролюбовой, а после — у Екатерины Николаевны Гейденрейх. По характерному танцу преподавателем была И. Л. Каплан, по историко-бытовому — Н. А. Иосафов. Училась я хорошо.

Помню, как-то раз (я тогда училась у М. С. Добролюбовой) мы делали экзерсисы у палки, и мои связки не выдержали. Вызвали хирурга Н. А. Дембо, я очень хорошо её помню, замечательный врач. На ногу наложили гипс и отвезли меня домой.

В нашем классе было заведено так: каждая девочка кому-то «поклонялась»: кто-то — Чабукиани, кто-то — Улановой... Моим кумиром была Марина Тимофеевна Семенова, работавшая тогда в Москве, но часто навещавшая в нашем Хореографическом училище любимую преподавательницу — Агриппину Яковлевну Ваганову.

Время было совершенно необычное. Наше училище тогда соединялось с репетиционным залом нынешнего Мариинского театра, тогда — Ленинградского Театра оперы и балета им. С. М. Кирова, и поэтому артисты часто занимались в залах, расположенных на третьем и четвертом этажах. Нам было разрешено смотреть в открытые двери на их репетиции. Сколько же звезд мы наблюдали тогда! Их сейчас уже нет, остались лишь хорошие воспоминания.

В 1938 году на 200-летний юбилей училищу дали две путевки в лагерь «Артек». Путевки достались мне и моей подруге Люсе Алексеевой, которая впоследствии стала женой И. Д. Бельского. Нам тогда было по 12 лет, от дома было оторваться тяжело, но всё-таки мы поехали. В Испании тогда шла война, и вместе с нами отдыхали испанские дети. На прощальном костре мы с Люсей станцевали пичикато из балета «Фадетта».

Позднее в Москве проходило мероприятие «Искусство города Ленинграда» с участием нашего училища. Номер назывался «Урок классического танца», руководила им сама Агриппина Яковлевна. Для меня моё участие в этом концерте — сказка на всю жизнь. На этом всё и закончилось.

М. С. Родионова. 1960-е гг.
Фото из личного архива
М. С. Родионовой

М. Родионова на вступительных экзаменах в ЛГХУ. 1936 г.

Фото из личного архива М. С. Родионовой

Началась война. В июле 1941-го администрация училища предложила эвакуацию учащихся. Но мой папа сказал: «Нет, никуда ты не поедешь. Погибать или выживать надо вместе». Большая же часть учеников и преподавательского состава училища эвакуировалась в город Молотов (Пермь), и уже к концу августа училище опустело.

Первая бомбежка, которую я помню очень отчетливо, была 8-го сентября. Мы тогда жили около Фрунзенского универмага, и наши окна выходили прямо на Московский проспект. Очень хорошо помню летящие веером прямо на нас самолеты, такие тяжелые, с таким страшным гулом! Бомбы упали на Бадаевские склады, где было запасено большое количество продовольствия. Хоть это было достаточно далеко, но дым был виден из наших окон. Весь народ высыпал на Московский проспект...

Так началась Блокада. Все запасались продуктами, насколько было возможно. В пригородах еще не всю капусту убрали, люди собирали оставшиеся листья, рубили их, и это называлось «хряпой». «Хряпа» эта потом очень помогала.

Я пришла в училище, где еще оставались некоторые преподаватели и ученики. Из нашего класса остались Нина Брюханова, Нина Семевская, Тамара Богданова, Валя Корюкина и Люсенька Алексеева, их я точно помню. Что касается мальчиков-одноклассников, они как-то быстро пропали, и никто не знает — куда?

Занятий вообще было мало, особенно общеобразовательных предметов, но специальные всё же были. Самое главное — осталась Екатерина Николаевна Гейденрейх, и продолжала вести у нас классический танец. Прекрасно помню, как, когда наступили холода, она приходила в беличьей шубке. На репетициях мы были одеты: перчатки, шапки... Потом Екатерина Николаевна вдруг пропала. Что с ней стало, мы узнали много позже: ее арестовали. Впоследствии ее имя все же было реабилитировано, а после войны она вернулась в Ленинград.

Музыку (фортепиано) у меня до войны вела Лидия Львовна Либерман, а в войну я занималась у Марьи Дмитриевны Шостакович (сестра композитора Д. Д. Шостаковича). Трудно представить: война, а я с Марьей Дмитриевной разучиваю 1-й и 10-й вальсы Шопена!

Потом наступили тяжелые времена: конец ноября–декабрь 1941-го. Дикий голод, дикий холод. Нужно было как-то объединяться, выживать, защищаться. В нашем училище было создано МПВО (местная противовоздушная оборона), возглавляла его Лидия Семеновна Тагер, энергичная, деловая, заботливая. В мои обязанности входило дежурство на вахте, дежурство на телефонной станции, которая, как мне кажется, располагалась там, где сейчас лифт, и, самое трудное — дежурство на чердаке. Я сидела укутанная, и откуда-то был свет. Сидеть просто так было невозможно — я читала «Домби и сын» Диккенса и ждала падения зажигательных бомб, но, слава Богу, их не было.

Столовая работала, и нас кормили дрожжевым супом, это считалось полезным в таких условиях.

Было время, когда мы жили в Училище на четвертом этаже, где раньше была учебная часть.

Большую часть времени мы с мамой, братом, тетей и бабушкой жили недалеко от Технологического института, и мне приходилось ходить в училище пешком, а это почти три километра. До сих пор не могу понять: как мама отпускала меня? Ведь столько было случаев, когда дети выходили из дома и не возвращались.

Несколько картин того времени запечатлелись в моей памяти так, что я могла бы их нарисовать. Однажды я шла по Загородному проспекту, и около Витебского вокзала меня обогнал грузовик. Дуновением ветра брезент на кузове поднялся, и я увидела гору трупов... А как-то раз я проходила мимо нынешнего БДТ им. Товстоногова, в деревянную дверь которого недавно попал снаряд. Помню, набрала щепок и принесла домой, чтобы топить печку «буржуйку».

Предлагали однажды билеты в Александринский театр, не помню, на какой спектакль. Мне дали два, и я позвала с собой двоюродного брата Вовочку, но он отказался, у него не осталось сил. И я пошла одна. А 19 февраля 1942 года Вовочка умер, переезжая Ладогу по дороге в эвакуацию.

Дома всегда были у «буржуйки». Мой младший брат Юра всё время лежал с бабушкой под большим тулупом.

В то время по карточкам выдавали по 125 граммов хлеба на человека. Мы нарезали хлеб на маленькие кусочки и клали на печку, чтобы он подсох, и его дольше можно было держать во рту. Однажды у мамы украли все карточки. Как она выкрутилась, не представляю, меня старались оградить от подобных вопросов. В январе от голода умер дядя, в марте — бабушка.

В Училище мы порой развлекались тем, что брали поваренную книгу и мечтали о том, что и с чем хотели бы съесть. Классический танец тогда преподавала В. С. Костровицкая, и мы с ней репетировали вариацию из «Баядерки».

А 14 марта 1942 года мы с семьей, вместе с Лесотехнической академией отправились в эвакуацию на Северный Кавказ. Всё было очень хорошо организовано. Помню, как впервые за долгое время держала в руках буханку хлеба... Почти через месяц, в апреле, мы доехали до города Ессентуки, где нам дали площадь для жилья.

В августе 1942 года туда добрались фашисты и оставались там 5 месяцев. Руководство предложило собрать рюкзаки и идти в горы, однако далеко не все были к этому готовы, и некоторые семьи, в том числе и наша, остались в городе. Там я закончила школу, десятилетку.

Что касается танцев, то нам встретила преподавательница Ефросинья Алексеевна Александрова, которая совсем недолго, но занималась со мной хореографией в эвакуации.

В 1945 году мы с семьей (папа, мама, брат и я) вернулись в Ленинград, и осенью я поступила в ЛГУ им. Жданова на биологический факультет.

К сожалению, балетом я больше не занималась, но люблю и понимаю это искусство до сих пор.